

С.И. Кормилов

В мыслях о родной душе

<...>

В аллегорическом стихотворении «Утес» (1841) тема шире, чем любовная. Последние слова стихотворения — «в пустыне», то есть месте, где никого нет. Утес, даром что он камень, страдает от одиночества. Оттого так дорого утесу мимолетное посещение тучки, умчавшейся поутру, «по лазури весело играя», и оттого ему так невесело после этого. «Влажный след в морщине старого утеса» — деталь конкретная, реалистичная: в расщелине с ночи осталась влага, она и есть источник слез, которыми утес «тихонько плачет». Лермонтов выражает идею непрочности человеческих отношений и связей. Так что его аллегория, хотя она и более определена, чем символ в «Парусе», широка и не так уж однозначна, тоже приближается к символу. Есть в «Утесе» и элемент умиротворенности. Печаль антропоморфизированного персонажа не «светла», как пушкинская печаль («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»), но в ней нет прежнего лермонтовского надрыва. Тема глубоко раскрыта в двух строфах, двух предложениях неравной длины: «событие» излагается в первом, его последствие, может быть, более длительное (настоящее время тут не исключает и вечности), — во втором, всего в двух строчках и одном слове «одинок», выделенном стиховым переносом. Размер «Утеса», редкий тогда 5-стопный хорей, вскоре будет использован в другом стихотворении, открывающемся мотивом одиночества, — «Выхожу один я на дорогу...» (но с другими особенностями ритма и рифмовкой).

<...>